

Редьярд Киплинг

Юноши в замке

*Часть сборника
Старая Англия (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Юноши в замке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6647700

Аннотация

«Через несколько дней дети ловили рыбу в том ручье, который вот уже много столетий прорезает мягкую почву долины. Вершины деревьев сплетались над ним, образуя длинный коридор; сквозь их листву пробивался солнечный свет и пятнами, кружками и полосками падал на берег и на воду. В зеленом коридоре виднелись мели из песка и гравия, старые корни и упавшие стволы, поросшие мхом и покрытые красными от железистой воды рисунками. Тонкие и бледные стволы наперстянок тянулись к свету; рядом с ними поднимались кусты папоротника, покачивались застенчивые, вечно жаждущие воды цветочки, которые не могут жить без влаги и тени...»

Редьярд Киплинг

Юноши в замке

* * *

Через несколько дней дети ловили рыбу в том ручье, который вот уже много столетий прорезает мягкую почву долины. Вершины деревьев сплетались над ним, образуя длинный коридор; сквозь их листву пробивался солнечный свет и пятнами, кружками и полосками падал на берег и на воду. В зеленом коридоре виднелись мели из песка и гравия, старые корни и упавшие стволы, поросшие мхом и покрытые красными от железистой воды рисунками. Тонкие и бледные стволы наперстянок тянулись к свету; рядом с ними поднимались кусты папоротника, покачивались застенчивые, вечно жаждущие воды цветочки, которые не могут жить без влаги и тени. От движения проворных форелей рябь бежала по тихой поверхности заводей, которые между собой соединялись узкими полосками воды, а с широкими темными заливами ручья были связаны журчащими протоками. Только во время половодья и самый ручей, и заводи, и отдельные лужи – все сливалось в одну бурную, быстро несущуюся стремнину.

Эта часть ручья была одним из самых любимых тайных

приутов детей. Старый Хобден показал им, как тут можно веселиться. Там, на залитом теплыми лучами солнца лугу, никто не угадал бы, что происходило под арками из ветвей; в зеленой тени раздавался только стук от случайного удара удочки о нижнюю ветку ивы или свист молодых тисовых листьев, когда леска на мгновение цеплялась за них.

– Мы поймали с полдюжины рыбок, – сказал Ден после того, как дети около часа пробыли в этой теплой сырой чаще.

– Не пройти ли нам к каменистой гряде? Не попробовать ли поудить в Длинной Заводи?

Уна кивнула головкой. Она чаще всего разговаривала знаками. И дети вышли из своего темного зеленого убежища, направляясь к маленькой возвышенности, которая заставляет ручей бежать к мельничной речке. Там берега были низки, обнажены, и от блеска дневного солнца, которое отражалось в воде Длинной Заводи, бывало больно глазам.

Едва дети вышли на открытое место, как чуть было не упали от изумления. Большая серая лошадь, вокруг хвоста которой морщилась зеркально-спокойная вода, пила из заводи, и рябь около ее морды вспыхивала, точно расплавленное золото. На лошади сидел старый седой человек, одетый в просторную блестящую кольчугу, сделанную из цепочек. Его голова не была прикрыта; на луке его седла висел железный шлем в форме ореха. Красные сафьяновые поводья узды с фестончатыми краями были около шести дюймов шириной; на спине лошади было седло с толстыми подушками и с крас-

ными подпругами; спереди оно придерживалось красным же кожаным нагрудником, сзади – таким же красным ремнем.

– Смотри, – шепнула Уна, точно Ден и так уже не смотрел во все глаза. – Это совсем как картина в твоей комнате: «Сэр Изембрас подле брода».

Всадник повернулся к Уне и Дену; его худое, продолговатое лицо было так же приветливо и кротко, как лицо рыцаря, который на картине перевозит детей.

– Им следовало бы уже быть здесь, сэр Ричард, – прозвучал густой голос Пека.

– Они здесь, – ответил рыцарь и улыбнулся Дену, продолжавшему держать связанных веревочкой форелей. – По-видимому, мальчики не особенно изменились с тех пор, как мои собственные дети удили рыбу в этих водах.

– Если ваша лошадь достаточно напилась, нам будет спокойнее в кольце, – сказал Пек и кивнул детям головой, точно неделю тому назад он не усыпил волшебством их воспоминаний.

Большая лошадь повернулась, одним прыжком поднялась на луг, и из-под ее ног посыпались комья земли.

– Прошу прощения, – сказал Дену сэр Ричард. – В те времена, когда эти земли принадлежали мне, я не любил, чтобы верховые переезжали через ручей где-нибудь, кроме вымощенного брода. Но моей Ласточке хотелось пить, и я желал встретиться с вами.

– Мы очень рады, что вы приехали, сэр, – ответил Ден, –

осыпавшиеся же берега – не велика беда...

И мальчик пошел через луг подле огромной лошади, шагая со стороны висевшего у пояса рыцаря меча. Это был могучий меч с великолепно выкованным эфесом. Уна и Пек шли сзади. Теперь она помнила решительно все.

– Я извиняюсь за листья, – сказал Пек, – но если бы вы рассказали дома о том, что было, вышло бы нехорошо. Правда?

– Да, я думаю, – согласилась Уна. – Но ведь ты сказал, что все волш... что все жители гор ушли из Англии.

– Да, сказал, но сказал также, что вы оба будете смотреть и узнаете. Ведь сказал же?.. Рыцарь не волшебник. Он – сэр Ричард Даллингридж, мой старинный друг. Он явился сюда с Вильгельмом-Завоевателем, а теперь пожелал познакомиться с вами.

– Почему пожелал? – спросила Уна.

– Он слышал о вашей великой мудрости и учености, – не моргнув, ответил Пек.

– Наша ученость? – удивилась Уна. – Да ведь я не знаю девятью девять, а Ден ужасно путается с дробями. Он, верно, желал познакомиться с какими-нибудь другими детьми.

– Уна, – обернувшись, крикнул Ден. – Сэр Ричард говорит, что он расскажет нам о том, что случилось с мечом Виланда. – Теперь этот меч у него. Ну, не прелесть ли!

– Нет, нет, – сказал сэр Ричард, соскакивая с седла, потому что они дошли до травянистого круга на мысе, образо-

ванном излучиной мельничной реки. – Не я, а вы должны обо всем рассказывать мне; ведь я слышал, что в нынешние времена самый младший ребенок в Англии мудрее наших ученых писцов.

Он разнул Ласточку, перекинул рубиново-красные поводья через ее голову, и умная лошадь пошла щипать траву.

Сэр Ричард (дети заметили, что он прихрамывал) отстегнул от своего пояса меч.

– Вот он, – шепнул Уне Ден.

– Это меч, который брат Гуг получил от Придорожного Кузнеца, – сказал сэр Ричард. – Один раз он отдавал мне свое оружие, но я отказался взять его; наконец, меч сделался моей собственностью после боя, какого никогда не вели крещеные люди. Смотрите. – Сэр Ричард наполовину вынул меч из ножен и повернул его. На обеих сторонах лезвия под самым эфесом, там, где рунические письма вдрагивали точно живые, на тусклой смертоносной стали виднелись две глубокие борозды. – Скажите же, какое существо сделало их? – спросил детей рыцарь. – Я не знаю, может быть, вы скажете?

– Расскажите им всю историю, сэр Ричард, – попросил рыцаря Пек. – Ведь она, во всяком случае, касается их земель.

– Да, пожалуйста, с самого начала, – поддержала Пека Уна; улыбающееся доброе лицо рыцаря теперь еще больше напоминало ей картину «Сэр Изембрас подле брода».

Дети уселись на землю и приготовились слушать. Сэр Ричард с обнаженной головой, на которую падали солнечные

лучи, обеими руками покачивал меч; большая серая лошадь щипала траву за чертой травянистого кольца, шлем, привешенный к луке седла, слегка позвякивал, когда она дергала головой.

– Хорошо, – сказал сэр Ричард. – Этот рассказ касается вашей земли, а потому я начну его с самого начала. Когда наш герцог явился из Нормандии, чтобы завладеть Англией, великие рыцари (может быть, вы слышали об этом?) приплыли вслед за ним, стараясь как можно лучше служить ему, потому что герцог обещал дать им здесь земли; за крупными рыцарями явились и мелкие. Мои домашние в Нормандии были бедны, но родственник моего отца Энгера Орлиный – Энгенульф де Аквила – последовал за графом Мортеном, который, в свою очередь, двинулся вслед за Вильгельмом, или Вильямом-герцогом, а я устремился за де Аквила. Да, с тридцатью воинами из отцовского дома и с новым мечом я решил попытаться завоевать Англию, и это ровно через три дня после моего посвящения в рыцари. Не думалось мне тогда, что Англия меня победит. Мы направились к Сент-Леку вместе с остальными; это было огромное полчище.

– Он расскажет про битву при Гастингсе? – шепнула Уна, и Пек молча кивнул ей головой; ему не хотелось прерывать рассказчика.

– Там, за холмом, – рыцарь указал на юго-восток, – мы увидели солдат Гарольда. Мы сражались. К вечеру пошел дождь. Мои люди с войском де Аквила преследовали вра-

гов, собираясь грабить. Во время этого преследования был убит Энгерар Орлиный; Жильбер, его сын, подхватил знамя, выпавшее из рук умирающего, и стал во главе отряда. Все это я узнал гораздо позже, потому что мою Ласточку ранили в бок, и я остался у ручья, подле терновника, чтобы омыть ее рану. Вдруг одинокий саксонец окликнул меня по-французски, и между нами начался поединок. Я должен был бы узнать этот голос, но мы бились. Долгое время ни один из нас не мог одолеть другого; наконец, только в силу несчастной случайности, он поскользнулся, и меч выпал из его рук. Нус, я только что был посвящен в рыцари и больше всего в мире желал быть вежливым и великодушным, а потому не поразил мечом моего противника, попросил его поднять меч.

– Проклятие моему мечу, – сказал он, – из-за него я буду побежден в первом же бою. Вы пощадили мою жизнь. Возьмите это оружие. – Он протянул его мне, но едва я хотел коснуться железного эфеса, как меч застонал, точно раненый человек; я отскочил от него с криком: «Колдовство!»

Дети посмотрели на меч, точно он был готов снова заговорить.

– Внезапно ко мне подбежало несколько саксонцев. Видя одинокого норманна, они уже готовились убить меня, но мой саксонец крикнул, что я его пленник, и велел своим воинам отступить. Таким образом, как видите, молодой саксонский рыцарь спас мне жизнь. Он посадил меня на мою лошадь и десять долгих миль вел ее через леса; наконец, мы очутились

в этой долине.

– Здесь? – спросила Уна.

– В этой самой долине. Мы перешли через нижний брод, вот там, под Королевским холмом, – рыцарь снова указал на восток – туда, где долина расширяется.

– И этот саксонец был Гуг, послушник? – спросил Ден.

– Да, даже больше. Он три года пробыл вместе со мной в монастыре в Беке, подле Руана, – посмеиваясь, ответил сэр Ричард, – и аббат этого монастыря, Эрлин, не пожелал, чтобы я там оставался.

– А почему? – спросил Ден.

– Да потому, что я въехал на лошади в столовую, когда ученики сидели за столом, сделав это с целью показать саксонцам, что мы, норманны, не боимся аббатов. Именно саксонец Гуг подстрекнул меня на такую шутку. С того памятного дня мы не встречались с ним. Когда он еще был в шлеме, мне показалось, что я узнал его голос, и, хотя наши предводители бились, мы оба радовались, что ни один из нас не убил другого. Идя подле меня, Гуг рассказал мне, что меч ему дал языческий бог (так, по крайней мере, ему казалось), и прибавил, что до сих пор это оружие никогда не пело. Помните, я посоветовал ему беречься волшебства и чар. – Сэр Ричард задумчиво улыбнулся. – Тогда я был очень молод, очень молод.

Когда мы пришли к дому Гуга, из нашей памяти почти исчезло воспоминание о том, что мы враги. Время близилось к

полуночи; большой зал наполняла толпа мужчин и женщин; все они ждали вестей. Тут я впервые увидел его сестру, леди Эливу, о которой он рассказывал нам во Франции. Она с ожесточением закричала на меня и захотела тотчас же меня повесить, но Гуг сказал ей, что я пощадил его, о том, что он спас меня от саксонцев, мой друг умолчал, прибавив только, что в этот день наш герцог одержал победу. Они довольно долго ссорились из-за меня, вдруг он упал без памяти, ослабев от полученных ран.

– Это твоя вина! – закричала леди Элива, бросилась к брату, наклонилась над ним и велела подать вина и полотняных бинтов.

– Если бы я знал, что он ранен, – ответил я, – он ехал бы на лошади, а я шел бы пешком. Но Гуг посадил меня на мою Ласточку и, не жалуясь, все время весело разговаривал со мной. Молю Бога, чтобы я не повредил ему.

– Молись, молись, – сказала она, закусывая губу. – Если он умрет, тебя повесят.

Гуга унесли в его комнату; трое рослых служителей связали меня и поставили под балкой в большом зале, надев на мою шею веревочную петлю. Конец веревки они перекинули через балку, а сами сели подле очага, ожидая, чтобы им сказали, остался ли Гуг жив или умер. Сидя, они разбивали орехи эфесами своих ножей.

– А что вы чувствовали? – спросил Ден.

– Я был очень утомлен и все-таки от души молился о со-

хранении жизни моего школьного товарища, Гуга. Около полудня из долины донесся топот лошадиных копыт, служители развязали меня и убежали из замка, а во двор въехали солдаты де Аквила. С ними явился Жильбер Орлиный, ведь он всегда говорил, что, «подобно своему отцу», никогда не покидает никого из «своих».

Жильбер был мал ростом, как и его отец, с носом, крючковатым, точно орлиный клюв, и с глазами, желтыми, тоже как у орла. Он всегда ездил на крупных чалых боевых конях, которых воспитывал сам, и не терпел, чтобы ему помогали садиться в седло. Войдя в комнату, Жильбер увидел, что с верхней балки свешивается веревка, и засмеялся; захохотали и его спутники, я не мог подняться с пола – весь онемел.

– Жалкий прием для рыцаря-норманна, – сказал он, – но все равно будем и за то благодарны. Скажи, мальчик, кто так обошелся с тобой? Мы хорошо расплатимся с твоим обидчиком.

– Что он хотел сказать? Он решил убить их? – спросил Ден.

– Конечно. Но я посмотрел на леди Эливу, стоявшую среди своих служанок, и на ее брата, державшегося подле нее. Воины Жильбера пригнали всех в переднюю залу.

– А она была хорошенькая? – спросила Уна.

– За всю мою долгую жизнь я никогда не видал женщины, достойной расстилать сухие тростники перед ногами леди Эливы, – совершенно просто и спокойно ответил рыцарь. –

Глядя на нее, я думал, что шуткой могу спасти ее и ее замок.

– Я явился сюда неожиданно, просто-напросто вбежал в этот дом, – сказал я Жильберу, – а потому не могу упрекнуть саксонцев за недостаток любезности. – Но мой голос дрожал, с этим маленьким человеком не следует... не следовало шутить.

Все молчали, наконец, де Аквила засмеялся.

– Смотрите, мои молодцы, вот так чудо, – проговорил он. – Бой едва окончен, мой отец еще не погребен, а наш самый младший рыцарь уже обосновался в своем замке; побежденные им саксонцы покорились и предложили ему свои услуги. (Я вижу это по их толстым лицам!) Клянусь всеми святыми, – прибавил он, потирая свой орлиный нос, – я никогда не думал, что можно так быстро завоевать Англию. Ну, что же? Я могу только отдать юноше то, что он успел забрать в свои руки. Этот замок твой, мальчик, – обратился он ко мне, – владей им до моего возвращения или пока тебя не убьют. Теперь же – на коней, и вперед! Мы отправимся за нашим герцогом в Кент и сделаем его королем Англии.

Он протащил меня за собой к двери; ему подвели его худого чалого коня, который был выше моей Ласточки, но не так хорошо ухожен.

– Слушай, – сказал он, возясь со своими большими военными перчатками. – Я дал тебе этот замок, но он – саксонское осиное гнездо, и я думаю, тебя убьют через месяц, как убили моего отца. Но, если ты сумеешь сохранить кры-

шу над главной залой, солому над овином и плуг в борозде поля до моего возвращения, ты получишь этот замок от меня, потому что наш герцог обещал графу Мортену все земли около Певнсея, а Мортен даст мне из них ту часть, которую он отдал бы моему отцу. Один Бог знает, доживем ли мы с тобой до покорения Англии, только помни, мальчик, здесь в настоящее время борьба – безумие, а, – он протянул руку за поводьями, – хитрость и ловкость – все.

– К сожалению, я не хитер, – сказал я.

– Пока еще нет, – ответил он, поставив ногу в стремя и толкая лошадь в живот каблуком сапога. – Пока еще нет, но, мне кажется, тебя скоро научат хитрить. Прощай. Владей замком и живи. Потеряй замок и будешь висеть. – Он прищиприл чалого и поскакал; ремни от его щита взвизгнули и закачались.

Итак, дети, я, немного старше, чем мальчик, остался в замке; со мной был только мой отряд в тридцать человек, меня окружала незнакомая местность с населением, языка которого я не знал, и мне предстояло удержать в своих руках землю, отнятую мною.

– И это было здесь? – спросила Уна.

– Да, здесь. Смотри. От верхнего брода, брода Виланда, до нижнего брода по Прекрасной Аллее на запад и на восток было около половины мили. От маяка на юг и на север – по целой миле; в лесах ютились саксонские воры, грабители норманны, разбойники, браконьеры. Действительно, сущее

осиное гнездо!

Де Аквила уехал. Гуг стал было благодарить меня за то, что я спас их, но леди Элива сказала, что я сделал это только с целью получить замок.

– Как я мог знать, что де Аквила подарит мне дом и земли? – возразил я. – Если бы я сказал ему, что провел ночь у вас взаперти, к этой минуте замок был бы дважды сожжен.

– Если бы какой-нибудь человек надел веревку на мою шею, – проговорила она, – я пожелала бы, чтобы его дом был сожжен трижды, раньше чем заключила бы с ним какое-нибудь соглашение.

– Но на мою шею веревку надела женщина, – ответил я и засмеялся; тогда она заплакала и сказала, что я насмехаюсь над ней, беспомощной пленницей.

– Леди, – произнес я, – в этой долине нет пленников, кроме одного человека, но он не саксонец.

Услышав это, она закричала, что я норманнский вор, что я явился с фальшивыми сладкими речами и с самого начала задумал выгнать ее в поля просить милостыню. В поля! Она никогда не видела лица войны!

Я рассердился и ответил: «Это-то, по крайней мере, я могу опровергнуть, так как клянусь, – и на эфесе меча я поклялся, – я клянусь, что моя нога не переступит порога большого зала, пока леди Элива сама не позовет меня в дом».

Ничего не сказав, она ушла из комнаты; я отправился во двор; Гуг проковылял вслед за мной, печально посвистывая

(это в обычае англичан), и мы увидели трех саксонцев, которые недавно связали меня. Теперь они сами были связаны, и около них стояло человек пятнадцать сильных, мрачных служителей замка в ожидании дальнейших событий. Из лесов, которые тянулись по направлению к Кенту, донесся слабый звук труб Жильбера Орлиного.

– Прикажете их повесить? – спросили мои солдаты.

– В таком случае мои люди будут драться, – прошептал Гуг, но я попросил его спросить троих саксонцев, на что они надеются.

– Ни на что хорошее, – в один голос ответили они. – Она приказала нам тебя повесить, если наш господин умрет. И мы повесили бы тебя. Вот и все.

Я стоял и раздумывал; вдруг из дубового леса на Королевском Холме выбежала женщина и закричала, что какие-то норманны угоняют свиней.

– Норманны там или саксонцы, – сказал я, – мы должны заставить их уйти, не то они ежедневно будут грабить нас. Бегите за ними, каждый с тем оружием, какое у него найдется...

Итак, я освободил трех слуг-саксонцев, и мы все вместе побежали к лесу, мои воины вперемешку с саксонцами, кто с луком, кто с копьем; это оружие было спрятано в соломенных крышах их хижин. Гуг вел саксонцев Королевского Холма. Мы увидели малого из Пикардии, он был разносчик и продавал вино в лагере герцога, а теперь мошенник надел на

свою руку щит убитого рыцаря и ехал на украденной лошади; с ним было человек двенадцать бездельников. Все они гнали, колотили и кололи копьями наших свиней. Мы прогнали их и спасли стадо. Сто семьдесят свиней сохранили мы после этой великой битвы! – со смехом прибавил сэр Ричард.

Это была наша первая совместная работа с Гугом, и я попросил его сказать своим подчиненным, что буду поступать так с каждым – рыцарем ли, рабом ли, норманном или саксонцем, кто украдет хоть одно яйцо в долине. Когда мы ехали домой, Гуг сказал мне: «Сегодня ты сделал многое для завоевания Англии».

А я ответил: «В таком случае Англия должна быть моей и твоей. Помогай мне, Гуг, действовать правильно относительно этих людей. Растолкуй им, что если они меня убьют, де Аквила, конечно, пришлет сюда отряд, который уничтожит их всех, и вместо меня посадит в замке гораздо худшего человека».

– Может быть, ты и прав, – сказал Гуг и подал мне руку. – Лучше знакомый дьявол, чем дьявол неизвестный, значит, пусть все остается как есть, пока мы не отправим вас, норманнов, восвояси.

То же говорили и его саксонцы. Когда мы гнали свиней с холма, они смеялись, и, мне кажется, уже тогда некоторые из них перестали ненавидеть меня.

– Мне нравится брат Гуг, – мягко сказала Уна.

– Он, бесспорно, был самый совершенный, вежливый, от-

важный, нежный и мудрый рыцарь, когда-либо живший на земле, – сказал сэр Ричард, поглаживая свой меч. – Он повесил свой меч – вот этот – на стене большого зала, говоря, что это оружие по праву мое, и не снимал его до возвращения де Аквила, как вы сейчас увидите. Три месяца его и мои люди охраняли долину, наконец, все разбойники и ночные бродяги поняли, что от нас они добьются только побоев да виселицы. Мы рука об руку дрались со всеми являвшимися в долину (иногда по три раза за неделю), дрались и с ворами, и с безземельными рыцарями, которые искали хорошие замки. Потом наступило мирное время, и с помощью Гуга я попробовал управлять долиной – ведь вся эта ваша долина была моим именем. Я старался действовать, как подобает рыцарю. Я сохранил крышу над залом и солому над овином, но... смелый народ англичане. Саксонцы смеялись и шутили с Гугом, и Гуг смеялся с ними, и (это удивляло меня), если кто-нибудь из них, хотя бы самый незначительный, говорил, что то или другое – местный обычай, Гуг и старые служители замка, случайно оказавшиеся поблизости, забывали все остальное и начинали обсуждать вопрос (я видел, как однажды в подобном случае они остановили мельницу с полусмолотым зерном). Когда оказывалось, что то или другое действительно старинный обычай, – конец; поступали согласно установленному порядку, даже если это противоречило интересам Гуга, его желанию и приказаниям. Изумительно!

– Да, – сказал Пек, в первый раз вступая в разговор. –

Обычаи старой Англии начали править страной раньше, чем пришли наши рыцари-норманны, и пережили их, хотя норманны жестоко боролись с ними.

– Только не я, – сказал сэр Ричард. – Я предоставлял саксонцам идти по намеченному ими пути, зато, когда мои воины, пробывшие в Англии менее шести месяцев, говорили, что то или другое в обычае страны, – я сердился. Ах, славные дни! Ах, чудесный народ! И как же я любил их всех!

Рыцарь протянул руки, точно желая прижать к сердцу всю эту долину, а Ласточка, услышав звон его кольчуги, подняла голову и тихонько заржала.

– Наконец, – продолжал он, – через год, полный усилий, трудов и легких столкновений, в эту долину вернулся де Аквила; он приехал один и совсем неожиданно. Я встретил его около нижнего брода; на седле перед ним сидел мальчишка-свинопас.

– Тебе незачем давать мне отчет в управлении замком, – сказал он, – я все узнал вот от этого мальчика. – И он прибавил, что свинопасик остановил подле брода его большую лошадь, помахав перед ней веткой, и закричал, что дорога преграждена. – А уж если полунагой смелый ребенок в наши дни решается охранять брод, это значит, ты управлял хорошо, – прибавил де Аквила и, отдуваясь, покачал головой.

Он ущипнул мальчика за щеку и взглянул на наш скот, пасшийся на пологом берегу реки.

– Жирные, – сказал он, потирая себе нос. – Да, я люб-

лю такое искусство и хитрость. – Что, уезжая, я сказал тебе, мальчик?

– Удержи в своих руках замок или повиснешь на веревке, – был мой ответ. Я никогда не забывал слов Жильбера Орлиного.

– Правильно. И ты удержал замок. – Он сошел с седла, концом меча вырезал кусок дерна на берегу и подал его мне, преклонившему колено.

Ден посмотрел на Уну. Уна посмотрела на Дена.

– Ввод во владение, – шепнул Пек.

– Теперь ты законно введен во владение замком и землями, сэра Ричард, – сказал де Аквила. – Ты и твои наследники на веки вечные владельцы этого имения. Куска дерна достаточно на время; потом писцы короля напишут на пергаменте документ. Вся Англия наша... если только нам удастся удержать ее в руках.

– Какую подать я буду платить? – спросил я, и отлично помню, какую гордость почувствовал при этих словах.

– Рыцарскую, мальчик, рыцарскую, – сказал он, прыгая вокруг лошади на одной ноге. (Говорил ли я, что он был мал ростом, но терпеть не мог, чтобы его подсаживали в седло?) – Шесть всадников или двадцать лучников ты будешь присылать мне, как только я потребую их и... Откуда у вас такой хлеб? – перебил он сам себя, потому что время подходило к жатве и у нас был действительно хороший хлеб. – Я никогда не видел такой блестящей соломы. Ежегодно присылай

мне по три мешка таких же семян; кроме того, в память нашей предпоследней встречи, – когда на твоей шее болталась веревка, – ежегодно в течение двух дней угощай меня и мою свиту в большом зале твоего замка.

– К сожалению, – сказал я, – мне сразу приходится об-
считать моего господина. Я дал слово не входить в большой зал, – и я рассказал Жильберу о клятве, данной мной леди Эливе.

– И с тех пор вы никогда не бывали в доме? – спросила рыцаря Уна.

– Никогда, – с улыбкой ответил сэръ Ричард. – Я построил себе на холме маленькую деревянную хижину, в ней ночевал, перед ней чинил суд и расправу... Де Аквила повернул лошадь, его висевший на спине щит колыхнулся.

– Это не беда, мальчик, – сказал он, – я окажу тебе почет позже, через двенадцать месяцев.

– Он хотел сказать, что в течение первого года сэру Ричарду не придется приглашать его на пир, – объяснил детям Пек.

Де Аквила пробыл несколько дней у меня в хижине; Гуг, умевший читать, писать и считать, показал ему отчетный свиток, в котором были написаны названия всех наших полей, а также имена служащих. Мой господин задавал ему тысячи вопросов о землях, о лесе, о пастбищах, о мельнице, о рыбных прудах и о достоинствах каждого жителя долины. Но де Аквила ни разу не произнес имени леди Эливы, ни разу не подошел к дверям замка. По вечерам он пил с на-

ми в хижине. Да, он сиживал на соломе, точно орел, распушивший свои перья; его желтые глаза бегали по сторонам, и, разговаривая, он, точно орел, перескакивал с одного предмета на другой, но всегда быстро устанавливал между ними связь. Бывало, он немного полежит спокойно, потом солома зашуршит, де Аквила задвигается и начнет говорить, да порой так, точно он сам король; нередко он высказывал свои мысли в притчах и баснях, и, если мы не сразу понимали их значение, толкал нас под ребра своим мечом в ножнах.

– Слушайте, вы, мальчики, – сказал он однажды. – Я родился не вовремя. Пятьсот лет тому назад я сделал бы Англию такой страной, которую не смог бы покорить ни один датчанин, саксонец или норманн. На пятьсот лет позже нынешних дней я сделался бы таким советником королей, какие никогда не грезились миру. Все это здесь, – прибавил де Аквила, постучав по своей крупной голове, – но в наш темный век моим способностям нет простора. Теперь Гуг более подходящий человек, чем ты, Ричард. – И его голос зазвучал хрипло, точно карканье ворона.

– Правда, – согласился я, – без Гуга, без его помощи, терпения и выносливости я ни за что не удержал бы в своих руках замка и земель.

– Да и не сохранил бы жизнь, – прибавил де Аквила. – Не один, а сотню раз Гуг спасал тебя. Молчи, Гуг, – прибавил он. – Знаешь ли ты, Ричард, почему Гуг спал, да и теперь по ночам спит посреди твоих норманнских воинов?

– Я думаю, чтобы быть подле меня, – сказал я, предполагая, что это так и есть.

– Глупец, – произнес де Аквила, – он спит между ними, потому что саксонцы просили восстать против тебя и выгнать из долины всех норманнов, всех до одного. Не важно, как я об этом узнал, но говорю правду. Гуг сделал себя заложником за твою жизнь, хорошо зная, что, если с тобой случится беда от руки его саксонцев, твои норманны без сожаления убьют его. И саксонцы это знают. Правду я говорю, Гуг?

– До известной степени, – смущаясь, согласился Гуг. – По крайней мере, так было полгода тому назад. Теперь мои саксонцы не тронут Ричарда. Мне кажется, они знают его, а все-таки я думал, что осторожность не помешает.

– Вот, дети, что этот человек сделал, а я-то и не догадывался ни о чем. Каждую ночь он ложился спать между моими воинами, зная, что если какой-нибудь саксонец поднимет на меня нож, ему придется своей жизнью расплатиться за мою.

– Да, – продолжал де Аквила, – и у него нет меча. – Он указал на пояс Гуга, который снял свой меч (не помню, говорил ли я вам это?) в тот день, когда при Сент-Леке оружие выпало у него из рук. С собой он носил только короткий нож и большой лук. – У тебя нет меча, нет земли, Гуг; между тем мне говорили, что ты родственник графа Годвина. (Гуг действительно был из рода Годвина.) Дом и имение, прежде принадлежавшие тебе, отданы этому мальчику и его потом-

ству. Проси его, потому что он может выгнать тебя, как собаку, Гуг.

Гуг не проронил ни слова, но я слышал, как он заскрипел зубами. Тогда я попросил моего высокого господина, Жильбера Орлиного, замолчать, так как в противном случае я заткну ему глотку, де Аквила рассмеялся и хохотал до слез.

– Я говорил королю, – сказал он, – что случится, если он отдаст Англию нам, ворам-норманнам. Вот, Ричард, всего каких-нибудь два дня ты по праву владеешь замком и землями, а уже восстаешь против своего господина. Что нам с ним сделать, сэр Гуг? А?

– У меня нет меча, – ответил Гуг, – не шутите со мной. – И, прижав голову к коленям, он застонал.

– Ты еще глупее Ричарда, – совсем изменившимся голосом сказал де Аквила. – Полчаса тому назад я дал тебе замок Даллингтон, – и, вытянувшись на соломе, он толкнул Гуга своим мечом в ножнах.

– Мне? – спросил Гуг. – Я саксонец и, хотя люблю вот этого Ричарда, не могу быть вассалом какого-нибудь норманна.

– В свое время, до которого я за мои грехи не доживу, в Англии не будет ни саксонцев, ни норманнов, – сказал де Аквила. – Если я умею понимать людей, ты без всяких клятв гораздо вернее множества норманнов. Возьми Даллингтон и, если хочешь, завтра выходи против меня.

– Нет, – ответил Гуг. – Я не ребенок. Давшему мне дар я оказываю услуги. – Он протянул обе руки де Аквила и по-

клялся хранить ему верность; потом, помнится, я поцеловал его, а де Аквила поцеловал нас обоих.

Позже мы уселись на свежем воздухе подле моей хижины. Вставало солнце, и де Аквила увидел, как наши люди шли работать в поля. Мы говорили о святых вещах: о том, как будем управлять нашими замками, толковали и об охоте; о разведении лошадей; о мудрости и благоразумии короля; Жильбер теперь говорил с нами, как со своими настоящими братьями. Вот ко мне подкрался наш слуга, один из трех саксонцев, которых я не повесил за год перед тем, проревев (так всегда шепчут саксонцы), что леди Элива желает поговорить со мной в замке. Она каждый день ходила гулять и обыкновенно присылала мне сказать, куда идет, чтобы я мог отправить за ней одного-двух лучников, которые охраняли бы ее. Очень часто я сам прятался в лесу и смотрел, куда она направляется.

Я быстро пошел на зов, и когда поравнялся с большими дверями замка, кто-то отворил их изнутри, и я увидел леди Эливу. Она мне сказала: «Сэр Ричард, не угодно ли вам пожаловать в ваш замок?» – и заплакала. Мы были одни.

Рыцарь замолчал и долгое время не произносил ни слова; он с улыбкой смотрел на долину.

– О, как хорошо, – сказала Уна и слегка захлопала в ладоши. – Она раскаялась и сказала вам это.

– Да, раскаялась и сказала это, – повторил сэр Ричард, который слегка вздрогнул и очнулся. – Очень скоро (но «она»

сказала, что прошло два часа) к дверям замка подъехал де Аквила со своим блестящим щитом (его вычистил Гуг) и попросил принять его, как гостя, назвав меня неверным рыцарем, желавшим до смерти заморить голодом своего высоко-го господина.

Наконец, Гуг закричал, что в этот день ни один человек не должен работать в полях; наши саксонцы затрубили в рога и уселись пировать и пить; позже они устроили скачки, танцевали и пели. Де Аквила вскочил в седло, заговорил с ними на языке, который клятвенно называл саксонским; однако никто его не понял. Вечером мы пировали в большом зале и, когда ушли арфисты и певцы, долго-долго сидели за высоким столом. Я помню, стояла теплая ночь с полной луной; де Аквила приказал Гугу снять со стены свой меч в честь замка Даллингтон, и Гуг с удовольствием исполнил его приказание. Вероятно, на эфесе была пыль, потому что я видел, как Гуг сдувал ее.

Мы с «ней» сидели в сторонке, и вдруг нам показалось, что в залу вернулись арфисты, потому что комната наполнилась мелодиями. Де Аквила вскочил с места; на полу лежал только лунный свет.

– Слушайте, – сказал Гуг. – Это поет мой меч, – и когда он пристегнул его к поясу, мелодия замолкла.

– Высшие силы запрещают мне носить такое оружие, – сказал де Аквила. – Что предсказывают звуки?

– Это знают только божества, которые его сделали. В по-

следний раз меч говорил при Гастингсе, когда я потерял все мои земли. Теперь он поет, когда я получил новое имение и возродился, – сказал Гуг.

Он немного приподнял лезвие, снова с большой радостью вогнал его в ножны, и меч ответил ему тихим воркующим звуком, как... как могла бы говорить женщина со своим мужем, положив голову на его плечо.

Так во второй раз я услышал пение этого меча...

– Смотрите-ка, – сказала Уна. – Вон идет мама. Что-то она скажет сэру Ричарду? Она непременно увидит его.

– И на этот раз Пек не может заколдовать нас, – прибавил Ден.

– А вы в этом уверены? – сказал Пек, наклонился и шепнул что-то сэру Ричарду, который, улыбаясь, кивнул головой.

– То, что случилось с мечом и моим братом Гугом, я расскажу вам в другой раз, – сказал рыцарь, поднимаясь с земли. – Эй, Ласточка!

Большая лошадь проскакала галопом по лугу мимо матери детей.

Уна и Ден слышали, как их мама сказала:

– Смотрите, дети, старая лошадь Глизона опять забралась на луг. Где это она прошла?

– Как раз под каменной грядой, – ответил Ден. – Из-под ее копыт вырвалось несколько кусков земли. Мы это только что заметили. И знаешь, мама, мы наловили много рыбы. Целый

день мы удии форель.

И дети действительно верили, что они все время провели на реке. Ден и Уна не заметили листьев дуба, тиса и терновника, которые Пек ловко бросил им на колени.